

Владислав ДЕМЕТЕР:

Моск. пров. - 1998. - 18 августа. - с. 15.

«Я — цыган и верю в судьбу»

Десять лет назад хормейстер театра «Ромэн» Владислав Деметер создал единственный в нашей стране детский цыганский ансамбль «Гилори», потом — цыганский класс в одной из московских школ. Являясь вице-президентом культурно-просветительного общества «Романо кхэр», он на свои средства издает первую с послевоенных времен газету для цыган, мечтает о цыганском музее в библиотеке.

Деметеры — семья, в каждом поколении которой есть замечательные музыканты, артисты, педагоги. Трудно представить себе, что еще дед Владислава Петровича вырос в настоящем таборе и долго не знал грамоты. Но все Деметеры помнят, откуда они родом.

— Для представителей больших наций, — рассказывает Владислав Деметер, — цыгане — понятие не дифференцированное, однако мы отличаемся друг от друга языком, манерой носить одежду, обрядами и обычаями. Наша семья — кэлдэрари, что в переводе означает «котельщики, лудильщики». Это этническая группа цыган, наиболее распространенная сегодня в Европе, Северной и Южной Америке, Австралии и Южной Африке. До конца XIX века кэлдэрари проживали на востоке Австро-Венгерской империи, в Трансильвании, откуда начался их массовый исход в другие страны. Мой дед Иштван (потом его называли Степан Петрович), австро-венгерский подданный, вместе с родителями оказался в России. При переходе границы его записали под фамилией Деметер, поскольку родился он в селе Демечер. Семья деда вела традиционный образ жизни, они много кочевали.

Иштван занимался исконным для кэлдэрарей ремеслом — лужением котлов. От природы сильным, буквально богатырь, он был настоящим мастером и трудолюбивым: в пять утра его никто уже не видел в постели. Он был по тем временам состоятельным человеком, умел заработать. Первым из своего окружения принял оседлость, купил дом, рояль для своего старшего сына — моего отца, приобрел велосипед. Над ним посмеивались, но при этом он пользовался непререкаемым авторитетом. Главное его преимущество было в умении общаться с представителями власти, многим цыганам он помог получить паспорта. Я был мальчишкой, когда в дни VI Всемирного фестиваля молодежи мы ходили по Москве и встречали цыган-кэлдэрарей из других делегаций: деда знали все.

— Что Иштван Деметер смог дать своим детям? У каждого из них интересная судьба...

— Моя бабушка Прасковья Никитична закончила один класс церковно-приходской школы. Она и мужа научила читать, писать, и детей, которых было семеро: три сына и четыре дочери. Дед, будучи не очень грамотным человеком, обладал глубокой внутренней культурой. Помимо родного языка и русского, он знал венгерский, румынский, сербско-хорватский, польский. Помнил десятки старинных цыганских песен, сказок, поговорок. Эпические песни он исполнял без сопровождения, лирические — под гитару. Исполнительский дар от Иштвана унаследовали его дочери. Ольга Степановна долгое время царил на ленинградской эстраде. Она — первая цыганка, написавшая мемуары. Ей уже больше 80 лет, но она до сих пор выступает вместе с сестрой Ниной Степановной, всю жизнь проработавшей в театре «Ромэн». А сыновья Иштвана получили хорошее образование. Здравствует и поныне младший из них — Георгий Степанович, доктор педагогических наук, профессор, президент нашего культурно-просветительного общества. Средний сын Роман Степанович тоже имел ученую степень, преподавал в институте физкультуры. Кроме того, он был незаурядным поэтом, популярным в цыганской среде. Мой отец Петр Степанович рано начал писать музыку и стал композитором. Ради учебы в консерватории он оставил работу, хотя я уже

родился и мы жили очень скудно. Тяга к образованию сказывалась и потом во всех ответвлениях нашей большой семьи.

— Однако учить детей — не в цыганских традициях...

— Цыгане всегда жили обособленно. Я называю это «охранной грамотой», которую дал нам Бог. Цыгане, столетиями находясь на территории других народов, не смогли бы сохраниться как этнос, если бы не ощущали себя незави-

ганский образ жизни. Мотивировкой кочевья был поиск мест для работы и гадания. Отмена кочевья означала насильственную ассимиляцию. Но цыган никогда «ура» не кричал и не работал бесplatно. Оформленный на завод, он мог через неделю порвать паспорт и бежать куда глаза глядят. Не удалось подвергнуть цыган и всеобщему: детей боялись отдавать в школы, в чужую среду. Конечно, из оседлых многие учились и становились специалистами в самых разных областях. Я знаю среди нас генерала и космонавта. Но сколько цыган в нашей стране получили образование и какое — неизвестно, реальной статистики нет, поскольку цыгане часто не имели паспортов или скрывали свою национальность.

— Ваш отец был образованным человеком, вас рано начали обучать музыке. Будущее было предопределено!

— В моей жизни много поворотов и невезения, но я — цыган и верю в судьбу. Отец мечтал, что-

симой, замкнутой единицей, которая не принимает ничего образа жизни. В то время как большие нации привыкли заботиться об обучении детей, у цыган особенно остро стояла другая проблема — выживание. В Европе несколько веков подряд цыган загоняли в болота, сжигали на кострах, обвиняли в колдовстве, ссылали на галеры, отторгали детей от матерей. Какое уж тут образование?

— А советская власть как отнеслась к цыганам?

— В 30-х годах пытались поднять их социальную активность, включить в общий поток строительства нового общества: создавались цыганские сельхозартель, клубы, техникумы. Но, как многие начинания той поры, органических, глубоких корней это не имело. Простые цыгане так же мало стремились работать на земле, как и учиться. Это не было заложено в них генетически. Потом под видом борьбы с «цыганщиной» — «искусством сытых буржуев» — начались массовые репрессии. Пострадала и наша семья: дед Иштван 15 лет отсидел в лагерях как враг народа.

В эпоху Хрущева было запрещено кочевье. Оно имело не романтическую подоплеку; думать так — значит идеализировать цы-

ганский образ жизни. Мотивировкой кочевья был поиск мест для работы и гадания. Отмена кочевья означала насильственную ассимиляцию. Но цыган никогда «ура» не кричал и не работал бесplatно. Оформленный на завод, он мог через неделю порвать паспорт и бежать куда глаза глядят. Не удалось подвергнуть цыган и всеобщему: детей боялись отдавать в школы, в чужую среду. Конечно, из оседлых многие учились и становились специалистами в самых разных областях. Я знаю среди нас генерала и космонавта. Но сколько цыган в нашей стране получили образование и какое — неизвестно, реальной статистики нет, поскольку цыгане часто не имели паспортов или скрывали свою национальность.

— Поэтому вы оказались на философском факультете университета?

— Меня с детства тянуло к наблюдениям, обобщениям, логическому анализу. Это чуть не погубило меня и всю семью: на семинаре критиковал работы Сталина. Спас меня преподаватель, которого я учил цыганскому языку, — Вячеслав Всеволодович Иванов, сын известного тогда писателя. Но с третьего курса пришлось уйти...

— В молодости вы ощущали связь с цыганской культурой?

— Всегда. В музыке отца классика тесно переплеталась с нашими корнями. Меня поглощала тайна цыганской песни: почему она так притягательна, почему нет к ней равнодушных. Дядя Роман Степанович и отец в течение мно-

гих лет записывали на слух песни в исполнении деда и рассказы бабушки, которые потом легли в основу книги «Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей», они же составили первый словарь кэлдэрарского диалекта. И хотя я не стал этнографом, как моя двоюродная сестра Надя, всю жизнь этим горячо интересуюсь.

— Вы много лет отдали профессиональной эстраде, создав ансамбль «Мелодии цыган», до сих пор преданы театру «Ромэн». Почему вы решили работать с детьми?

— Знаете, к сожалению, я поздно понял, что мы по верхушкам ходим: надо как можно раньше приобщать детей к родной культуре. Ведь в процессе ассимиляции цыгане стали забывать язык, национальные песни и танцы.

За 10 лет ансамбль «Гилори» превратился в культурно-образовательный центр, где мы занимаемся хореографией, вокалом, актерским мастерством, ставим музыкальные спектакли. Сейчас создаем свой оркестр народных инструментов. Нас охотно принимает любая публика. Мы были участниками и лауреатами трех международных фестивалей. Теперь впервые едем на гастроли в Европу. Наши выпускники уже учатся в Российской академии театрального искусства, во ВГИКе, в Академии имени Гнесиных, работают в известных цыганских коллективах. В первую очередь это заслуга наших педагогов — профессионалов высочайшего уровня.

У нас нет постоянных спонсоров. Но нам создали условия для занятий, и мы благодарны за это администрации Северного округа Москвы. Многим преподавателям, по правде сказать, доплачиваю из собственного кармана.

— Вы богатый человек!

— У меня больше долгов. Однако я признаю людей, преданных своему делу, готовых ради него все отдать.

— Помимо ансамбля, вы организовали цыганский класс в одной из московских школ. Какую цель преследовали?

— Ансамбль я использовал в качестве заманки, чтобы дети учились. Если бы я сразу позвал их в класс, никто бы не пришел. Большинство наших ребят никогда не посещали школу. А когда ансамбль встал на ноги, я сказал: «Мало уметь петь и танцевать, надо быть грамотным, становиться следопытом своей культуры...»

В классе оказались представители почти все этнические группы цыган, проживающие в Москве. Но первым мы изучали диалект русских цыган, которые уже 500 лет находятся на территории России и принадлежат к ее коренному населению. От языка переходили к истории, осваивали международную цыганскую письменность. Ребята рисовали, лепили, используя фольклорные мотивы. Мы вели уроки вместе со Львом Николаевичем Черенковым, доктором филологических наук, известным цыганологом, который давно дружен с нашей семьей. Это был нелегкий труд, поскольку ученики не обладали вниманием, элементарными учебными навыками, гигиеной логического мышления. К сожалению, класс распался из-за проблем другого рода — организационных.

— Думаю, общий прогресс коснулся и цыган. Почему сегодня они не отпускают детей в обычную школу?

— По нравственным соображениям. В простых цыганских семьях до сих пор царит домострой. Девочку в 12-13 лет выдают замуж, чтобы не успела разбаловаться, не успела опозорить отца и мать. И каждый из нас знает, что жениться на цыганке — значит обеспечить себе верного, настоящего друга на всю жизнь. Мальчик на ветер слов не бросает: ведь честь очень дорога в нашей среде. С молоком матери дети впитывают уважение к старшим, ре-

лигиозное чувство — ценности, для нас не утраченные. Потому цыгане боятся всего чужого, боятся разврата, наркотиков и готовы поставить знак равенства между школой и дискотеккой.

— Не хочу вас обидеть, но российский обыватель привык видеть в цыганах скорее источник неприятностей. Разве мало цыган попрошайничают на улицах, обманывают?

— Как правило, это цыгане приехавшие с юго-западных границ бывшего Союза «на заработки», зачастую даже утратившие родной язык. Российский цыган, укоренившийся здесь, — гордый, он никогда не пошлет детей просить милостыню. То, что наши цыгане делали давно — покупали в одном регионе, продавали в другом, — и что считалось спекуляцией, теперь называется бизнесом. И этим занимается вся страна. Гадать тоже многие научились. Но даже сегодня не существует такого явления, как цыганская проституция. В номерах можно встретить, наверное, девушку любой национальности, но не цыганку.

— В последние годы происходят процессы самоосознания наций, они стремятся к самосохранению. Каким вы видите будущее цыганского этноса в России?

— Наше будущее зависит от образования. В развитых странах множество организаций — частных, и государственных — занимаются обучением в цыганских семьях. Издают буквари, выпускают самые современные учебные пособия. В Америке за кочующим табором следует специальный фургон с целью адаптировать малышей к будущей школе, к общению с детьми других национальностей.

И у нас в регионах должны быть свои культурные центры, которые бы инициировали создание цыганских классов. Но встает другой вопрос: где взять преподавателей? Профессия педагога у цыган не особенно престижна, поскольку не дает хорошего заработка. Чтобы найти желающих ее получить, надо внедриться в среду компактных поселений, поговорить с теми, кого журналисты называют «баронами», — с авторитетными стариками. Одновременно надо ввести квоты для поступления цыган в педагогические училища и вузы или открыть в каких-то из них специальные отделения. Подобный опыт есть у академии театрального искусства, где учатся ребята из «Гилори».

Я мечтаю, чтобы ряды нашей национальной интеллигенции пополнялись, чтобы молодые наступали нам на пятки. О судьбе этноса должны позаботиться сами цыгане. Надо написать цыганскую энциклопедию, открыть музей культуры и быта цыган России, собрать свою библиотеку, начать издавать учебники. Во многом это задачи культурной автономии, которая сейчас создается. Не имея территории, мы даже не имели статуса малой народности, мы были никто. Существование такой автономии, поставленные ею проблемы не могут игнорироваться властью имущими, в том числе местными администрациями.

— Ваш младший сын идет по вашим стопам, он — солист ансамбля, превосходный гитарист и танцор. Что вы ему пожелаете?

— Я хочу, чтобы он женился на цыганке.

Марианна МАКАРОВА.

P.S. Логично было бы поставить рядом с этим текстом портрет Владислава Петровича, да вот незадача — фотографировать его категорически не любит. Разве что вместе с учениками и коллегами... Именно такой снимок нашел в своем архиве наш фотокорреспондент Борис ДОЛМАТОВСКИЙ. В первом ряду второй справа — В. Деметер.